

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д55

Серия «Все в одном томе»

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Дойл, Артур Конан.
Д55   **Весь Шерлок Холмс : [сборник] / Артур Конан Дойл ; [перевод с английского]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 1392 с. — (Все в одном томе).**

ISBN 978-5-17-120013-8

Артур Конан Дойл (1859–1930) — английский писатель, отдавший дань практически всем литературным жанрам, но наиболее известный как автор детективных, историко-приключенческих и фантастических произведений. И, конечно же, как создатель знаменитого тандема — Шерлока Холмса и доктора Уотсона. Книги о гениальном сыщике и его простоватом напарнике переведены практически на все языки мира, Холмс и Уотсон стали героями бесчисленных литературных подражаний, экранизаций и театральных постановок.

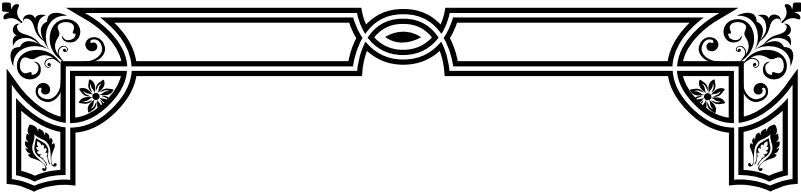
Прошло уже больше ста лет с того момента, как был напечатан первый рассказ, а читатели всего мира по-прежнему с упоением погружаются в мир туманных лондонских улиц, зловещих болот и вересковых пустошей.

В настоящем издании представлено полное собрание рассказов и повестей Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе.

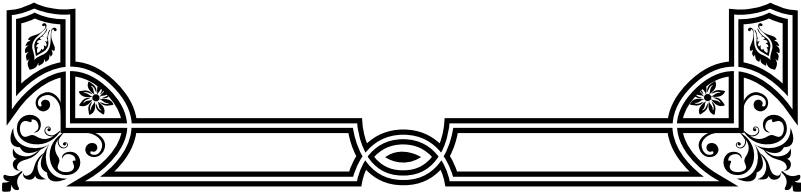
УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-120013-8

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ЭТЮД
В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Часть первая

ВОСПОМИНАНИЯ ДЖОНА Х. УОТСОНА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ, ОТСТАВНОГО ВОЕННОГО ВРАЧА

1. Мистер Шерлок Холмс

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли¹ для прохождения курса полевой хирургии. По окончании занятий, в положенный срок, я был приписан в качестве ассистента хирурга к Пятому Нортумберлендскому стрелковому полку. Мой полк в то время стоял в Индии, и, прежде чем я прибыл на место службы, началась Вторая афганская кампания². Высадившись в Бомбее, я узнал, что моя часть, преодолев перевалы, уже продвинулась далеко в глубь территории противника. Вместе со многими другими офицерами, оказавшимися в такой же ситуации, я отправился вдогонку и, благополучно добравшись до Кандагара, нашел свой полк и сразу же приступил к исполнению новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла славу и продвижение по службе, но для меня обернулась сплошными неудачами и бедствиями. Переведенный из своего полка в Беркширский, я участвовал в роковой битве при Мейванде³. Там был ранен в плечо джезайльской пулей⁴, которая раздробила мне кость и задела подключичную артерию. Я непременно попал бы в руки кровожадных газиз⁵, если бы не преданность и храбрость моего ординарца Мюррея; он взвалил меня на вьючную лошадь и благополучно доставил на британские позиции.

Измученного болью и ослабленного долгими лишениями, которые выпали на мою долю, меня с полным обозом других раненых отвезли в главный госпиталь, располагавшийся в Пешаваре. Там я оправился от ранения и окреп настолько, что уже ходил по палате и даже понемногу загорал на веранде, но тут меня внезапно сразил брюшной тиф — это вечное проклятие

---

¹ Викторианский королевский госпиталь, расположенный неподалеку от Саутгемптона. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Речь идет о кампании 1878—1880 годов.

³ Битва при Мейванде, Афганистан, 27 июля 1880 года; закончилась поражением британцев.

⁴ Афганцы использовали пули, начиненные осколками ржавого металла и гвоздей.

⁵ То есть свирепых мусульманских воинов, беспощадно уничтожавших «неверных».

наших индийских владений. Несколько месяцев жизнь моя висела на волоске, а когда я наконец пришел в себя и начал выздоравливать, то оказался так слаб и истощен, что консилиум врачей решил, не медля ни дня, отправить меня в Англию. Меня доставили на транспортное судно «Оронт» и месяц спустя высадили в Портсмуте с непоправимо разрушенным здоровьем. Впрочем, отечески заботливое правительство разрешило мне использовать следующие девять месяцев на то, чтобы попытаться поправить его.

В Англии я не имел ни друзей, ни родственников, поэтому был свободен как ветер — по крайней мере настолько, насколько может быть свободен человек, получающий одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день. В подобных обстоятельствах меня, естественно, потянуло в Лондон, в этот отстойник, куда непреодолимо стекаются все праздношатающиеся бездельники Империи. Там я жил некоторое время в частной гостинице на Стрэнде, ведя тоскливое и бессмысленное существование и тратя имевшиеся у меня деньги весьма беспечно. Вскоре мое финансовое положение стало ужасающим, и я понял, что должен либо покинуть столицу и удалиться в деревню, либо совершенно изменить образ жизни. Сделав выбор в пользу последнего, я начал раздумывать над тем, чтобы съехать из гостиницы и поселиться в каком-нибудь менее фешенебельном и дорогом жилище.

В тот самый день, когда я пришел к этому решению, в «Крайтирион-баре» кто-то похлопал меня по плечу, и, обернувшись, я узнал молодого Стэмфорда, некогда работавшего у меня фельдшером в госпитале «Бартс»¹. Одинокому человеку всегда приятно увидеть дружеское лицо в необозримой пустыне Лондона. В прежние времена мы со Стэмфордом не были закадычными друзьями, но теперь я приветствовал его с бурным восторгом, и он тоже, казалось, искренне обрадовался встрече. В порыве чувств я пригласил его пообедать со мной в ресторане «Холборн», куда мы и отправились в извозчицкой пролетке.

— Что, черт возьми, происходило с вами все это время, Уотсон? — спросил он с нескрываемым изумлением, пока мы тряслись по запруженным людям лондонским улицам. — Вы тощий, как жердь, и коричневого, как орех.

Я кратко поведал ему о своих приключениях и едва успел закончить рассказ, как мы прибыли к месту назначения.

— Бедолага! — посочувствовал Стэмфорд, выслушав сагу о моих несчастях. — И чем же вы занимаетесь теперь?

— Ищу жилье. Пытаюсь решить проблему: можно ли найти удобную квартиру за разумную цену?

— Как странно, — заметил мой спутник, — за сегодняшний день вы второй человек, от которого я слышу это выражение.

— А кто был первым? — поинтересовался я.

— Один мой приятель, работающий в химической лаборатории госпиталя. Он присмотрел славную квартиру и сегодня утром жаловался, что

¹ Старейшая лондонская больница.

не может найти партнера, чтобы снять ее на двоих, — ему одному она не по карману.

— Вот это удача! — воскликнул я. — Если ему действительно нужен компаньон, чтобы разделить жилье и плату за него, я для него как раз то, что нужно. Я определенно предпочел бы иметь сотоварища, чем прозябать в одиночестве.

Молодой Стэмфорд посмотрел на меня поверх бокала немного странным взглядом.

— Вы ведь пока не знакомы с Шерлоком Холмсом, — сказал он. — Возможно, он и не подойдет вам в качестве постоянного компаньона.

— Почему? С ним что-то не так?

— О нет. Просто он слегка чудаковат — энтузиаст в некоей отрасли знания, но, судя по всему, человек вполне порядочный.

— Он, наверное, изучает медицину? — предположил я.

— Нет. Я понятия не имею, что именно изучает Холмс. Кажется, он преуспел в анатомии и первоклассный химик, но, насколько мне известно, систематически медициной никогда не занимался. Его занятия очень бессистемны и необычны, но благодаря им Холмс накопил такое количество побочных знаний, что поразил бы любых профессоров.

— И вы никогда не спрашивали у него, чем конкретно он занимается? — удивился я.

— Нет. Холмс не из тех, кого легко разговорить, хотя бывает весьма словоохотлив, когда им овладевает некая фантазия.

— Я хотел бы с ним познакомиться. Если уж делить с кем-нибудь жилье, я предпочел бы человека со спокойными привычками и преданного науке. Для шума и острых ощущений я еще недостаточно окреп. Всего этого я столько испытал в Афганистане, что хватит до конца моего земного существования. Так как же мне познакомиться с вашим приятелем?

— Он наверняка у себя в лаборатории. Холмс либо неделями глаз туда не кажет, либо работает там с утра до ночи. Если хотите, можно поехать к нему сразу после обеда.

— Конечно, — обрадовался я, и разговор переключился на другие темы.

После того как мы вышли из «Холборна» и направились в госпиталь, Стэмфорд поведал мне еще кое-что об особенностях джентльмена, с которым я вознамерился соседствовать.

— Только если вы с ним не поладите, меня не вините, — предупредил он. — Я знаю о нем лишь то небольшое, что успел выяснить во время случайных встреч в лаборатории. Поскольку вы сами решили с ним съехаться, вся ответственность ложится на вас.

— Если мы не поладим, то попросту расстанемся, — ответил я и добавил: — Стэмфорд, по-моему, вы умываете руки не без причины. Может быть, у этого человека чудовищный характер или есть что-то еще? Не бойтесь, скажите откровенно.

— Не так-то просто выразить невыразимое, — рассмеялся он. — На мой вкус, Холмс слишком одержим наукой, и порой это граничит с бездушием. Я, например, вполне могу представить себе, как он дает другу шепотку новейшего растительного алкалоида — и не по злобе, уверяю вас, а из любви к научному эксперименту: чтобы скрупулезно зафиксировать симптомы воздействия яда. Но, надо отдать ему должное, полагаю, скорее и с полной готовностью он примет препарат сам. Судя по всему, у Холмса страсть к точному и проверенному знанию.

— В этом нет ничего дурного.

— Конечно, но иногда он преступает границу. Когда дело доходит до избияния палкой трупов в прозекторской, это выглядит слишком уж эксцентрично.

— Избияния трупов?!

— Да, чтобы проверить, в течение какого времени после смерти на теле могут образоваться синяки. Я своими глазами видел, как Холмс это проделывает.

— И вы еще говорите, что он не изучает медицину?

— Нет. Одному Богу известно, каков предмет его научных поисков. Но вот мы и приехали, так что сейчас у вас появится возможность составить о нем собственное представление.

При этих его словах мы свернули в узкий проулок и вошли в маленькую боковую дверь, ведущую в одно из крыльев большого госпиталя. Здесь все было мне знакомо, и я не нуждался в проводнике, чтобы подняться по тускло освещенной каменной лестнице и пройти по длинному коридору с открывающейся перспективой беленых стен и выкрашенных серовато-коричневой краской дверей. Ближе к концу коридора низкая арка открывала проход в боковое ответвление, упирающееся в химическую лабораторию.

Это была комната с высоким потолком и выстроившимися на полках вдоль стен, а кое-где стоящими как попало разнообразными пузырьками и склянками. На широких низких столах, расставленных без всякой системы, теснились реторты, пробирки и маленькие бунзеновские горелки, над которыми колыхались мерцающие язычки синего пламени. В комнате находился только один исследователь. Поглощенный работой, он сидел, склонившись над дальним столом. Услышав наши шаги, он оглянулся и вскочил с радостным криком.

— Я нашел его! Нашел! — сообщил он моему спутнику, бросаясь к нам с пробиркой в руке. — Я нашел реагент, который осаждает только гемоглобин, и ничего больше.

Найди он золотую жилу, большего восторга его лицо все равно не выразило бы.

— Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, — представил нас друг другу Стэмфорд.

— Рад познакомиться, — сердечно произнес Холмс, сжав мою руку с силой, какой я в нем не предполагал. — Вижу, вы прибыли из Афганистана.

— Господи, как вы это узнали? — Я был потрясен.

— Не важно. — Он усмехнулся чему-то своему. — Сейчас главное — гемоглобин. Вы, конечно, понимаете значение этого моего открытия?

— С точки зрения химии это, безусловно, интересно, — ответил я. — Но что касается практической пользы...

— Помилуйте! Это самое полезное для судебной медицины открытие за все последние годы. Неужели вы не догадываетесь, что оно дает возможность проводить безошибочно точный анализ следов крови? Идите же сюда! — Холмс нетерпеливо схватил меня за рукав и потянул к своему столу. — Давайте-ка добудем немного свежей крови. — Он вонзил себе в палец длинную иглу и всосал показавшуюся каплю крови химической пипеткой. — Теперь я развожу это небольшое количество крови в литре воды. Видите, раствор по-прежнему выглядит как совершенно чистая вода. Содержание крови в нем не превышает одной миллионной доли. И тем не менее я не сомневаюсь, что мы получим характерную реакцию.

Продолжая говорить, Холмс всыпал в сосуд несколько белых кристаллов и добавил две-три капли прозрачной жидкости. В следующий же миг содержимое сосуда приобрело тусклый красновато-коричневый цвет, и на дно выпал коричневый осадок.

— Ха-ха! — ликующе воскликнул Холмс, хлопая в ладоши и глядя восторженно, как ребенок, получивший новую игрушку. — Ну, что вы об этом думаете?

— По-моему, это очень тонкий анализ, — заметил я.

— Превосходный! Превосходный! Старый гваяколовый¹ анализ чересчур громоздок и неточен, как и исследование частиц крови под микроскопом. Последнее вообще теряет всякий смысл, если кровяные пятна оставлены несколько часов назад. А мой новый анализ, видимо, вообще не зависит от давности пятен. Если бы эта методика существовала раньше, сотни людей, поныне свободно топчущих землю, были бы давным-давно осуждены за свои преступления.

— В самом деле! — пробормотал я.

— Очень часто расследование упирается в эту единственную загвоздку. Представьте себе: человека заподозрили в преступлении, совершенном, быть может, за несколько месяцев до того. Осмотрев его белье или одежду, нашли на них коричневатые пятна. Что они собой представляют: следы крови, грязи или ржавчины, а может, это следы фруктового сока или что-то еще? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов. А почему? Потому что не существовало надежной методики анализа. Теперь есть анализ по Шерлоку Холмсу, и больше никаких трудностей не будет.

Его глаза сияли, и, прижав руку к сердцу, он поклонился воображаемой рукоплещущей толпе.

---

¹ Слово происходит от названия произрастающего в Вест-Индии и Южной Америке гваяколового дерева.

— Вас следует поздравить, — заметил я, весьма удивленный его безудержным энтузиазмом.

— В прошлом году во Франкфурте расследовали дело фон Бишхоффа. Если бы мой анализ был уже принят на вооружение, преступника непременно повесили бы. А еще было дело Мейсона из Брэдфорда, дела пресловутого Мюллера, Лефевра из Монпелье, Сэмсона из Нового Орлеана. Я могу назвать десятки дел, в расследовании которых мой анализ сыграл бы решающую роль.

— Вы престо ходячая энциклопедия преступлений, — рассмеялся Стэмфорд. — Вам вперу основать соответствующую газету. Назовите ее «Полицейские новости из прошлого».

— И, уверяю вас, это было бы весьма увлекательное чтение, — подхватила Шерлок Холмс, заклеивая прокол на пальце пластырем. — Нужно быть осторожным, — объяснил он, обернувшись ко мне с улыбкой, — я много вожусь с ядами. — Холмс вытянул руку, и я заметил, что вся она покрыта кусочками пластыря и во многих местах обесцвечена сильными кислотами.

— А мы пришли по делу. — Стэмфорд уселся на высокий трехногий стул и мысом ботинка подтолкнул мне другой такой же. — Вот этот мой друг хочет снять берлогу, а поскольку вы жаловались, что не можете найти напарника, который согласится оплачивать квартиру пополам с вами, я решил свести вас.

Шерлока Холмса, похоже, восхитила идея соседствовать со мной.

— Я приглядел квартиру на Бейкер-стрит, — пояснил он. — Думаю, она подошла бы нам по всем статьям. Надеюсь, вы ничего не имеете против запаха крепкого табака?

— Я сам всегда курил матросскую махорку, — ответил я.

— Прекрасно. Еще у меня повсюду стоят химикаты, и я время от времени провожу опыты. Это не будет мешать вам?

— Ни в коей мере.

— Так, позвольте прикинуть — какие еще у меня есть недостатки. Порой на меня нападает хандра, и тогда я неделями не открываю рта. В таких случаях вы не должны думать, что я дуюсь. Просто оставьте меня в покое, и я скоро приду в норму. А вам есть в чем признаться? Если двое мужчин собираются жить вместе, худшее друг о друге им лучше знать заранее.

Меня позабавил этот допрос, и я рассмеялся.

— У меня есть щенок бульдога, и я не выношу шума из-за моих расшатанных нервов; еще я безбожно поздно встаю и чрезвычайно ленив. Когда я здоров, набор грехов у меня иной, но в настоящее время основные — эти.

— Включаете ли вы в категорию «шума» игру на скрипке? — встревожился Холмс.

— Это зависит от того, кто играет. Хорошая игра на скрипке — божественное удовольствие, плохая же...

— О, не беспокойтесь, — с радостным смехом перебил он меня. — Полагаю, мы договорились — то есть в том случае, если вас устроит квартира.

— Когда можно осмотреть ее?

— Заезжайте за мной сюда завтра в полдень, мы вместе поедем и все уладим.

— Отлично — ровно в полдень. — Я пожал ему руку.

Оставив Холмса колдовать над его реактивами, мы со Стэмфордом пешком отправились к моей гостинице.

— Кстати, — вдруг спросил я, останавливаясь, — откуда, черт побери, он узнал, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник загадочно улыбнулся.

— Это еще одна его маленькая особенность. Очень многие хотели бы понять, откуда Холмс все узнаёт.

— О! Тайна, не так ли? — воскликнул я, радостно потирая руки. — Это очень пикантно. Весьма признателен вам за то, что вы свели нас. Помните: «Вотще за Богом смертные следят. На самого себя направо ты взгляд»¹.

— Ну, тогда постарайтесь направить взгляд на Холмса и узнать его. — Стэмфорд помахал мне на прощание рукой. — Желаю удачи, однако увидите: это очень непростая задача. Держу пари: он о вас узнает куда больше, чем вы о нем. Прощайте.

— Прощайте, — ответил я и зашагал к гостинице, весьма заинтригованный моим новым знакомцем.

2. Метод научной дедукции

На следующий день мы встретились, как было условлено, и осмотрели квартиру на Бейкер-стрит, 221-б, о которой Холмс рассказывал накануне. Квартира состояла из двух удобных спален и общей просторной гостиной, нескудно обставленной и светлой: с двумя широкими окнами. Жилище показалось нам обоим столь идеально подходящим, а плата, если делить ее пополам, столь умеренной, что сделка была заключена немедленно, и мы вступили в права владения. Я перевез вещи из гостиницы в тот же вечер, а на следующее утро и Шерлок Холмс последовал моему примеру. Его багаж состоял из нескольких коробок и дорожных сумок. Целый день мы трудолюбиво распаковывали и раскладывали свои пожитки, чтобы обустроиться наилучшим образом. А покончив с этим, начали постепенно обживать свою новую квартиру.

Неудобным соседом Холмса со всей очевидностью назвать было нельзя: привычки он имел постоянные и мирные. Редко бодрствовал после десяти вечера, а по утрам неизменно завтракал и уходил прежде, чем я просыпался. Порой он весь день проводил в химической лаборатории, иногда — в прозекторской, а время от времени — в долгих прогулках, которые,

¹ Александр Поуп. «Опыт о человеке в четырех эпистолах». Эпистола II, строки 1—2. (Перевод В. Микушевича.)

видимо, заводили его в самые глухие и неблагополучные уголки города. Энергия его казалась неистощимой, когда Холмс впадал в рабочий раж; но периодически она словно иссякала, и он мог дни напролет лежать в гостиной на диване с окаменевшим лицом, не произнося почти ни единого слова. В подобные периоды я замечал в глазах Холмса такую мечтательную отрешенность, что, не ведя он столь трезвый и воздержанный образ жизни, я заподозрил бы его в употреблении какого-нибудь наркотика.

Неделя шла за неделей, и мой интерес к Холмсу и его жизненным устремлениям становился все глубже и настойчивее. Сама личность Холмса и его внешний облик были таковы, что привлекали внимание даже самого поверхностного наблюдателя. Ростом немногим более шести футов, он был так худ, что казался значительно выше. Взгляд у Холмса был острый и пронизывающий, за исключением тех периодов, когда он впадал в апатию, о них я уже упоминал; тонкий орлиный нос придавал лицу вид настороженный и решительный. Квадратный, несколько выдающийся вперед подбородок тоже свидетельствовал о том, что Холмс — человек волевой. Его руки, всегда перепачканные чернилами, изобиловали следами воздействия химических препаратов, хотя действовал он ими исключительно деликатно, в чем я неоднократно имел возможность убедиться, наблюдая, как Холмс манипулирует своим хрупким научным инструментарием.

Читатель может счесть меня неисправимым пронырой, поскольку я сам признаюсь, какое любопытство вызывал во мне этот человек и как часто я позволял себе покушаться на его сдержанность, касающуюся всего, что связано с ним самим. Однако, прежде чем вынести подобный приговор, вспомните, сколь бесцельной была тогда моя жизнь и сколь мало было в ней такого, что могло бы привлечь мое внимание. Здоровье позволяло мне выходить из дома только в очень теплую и солнечную погоду, а друзей, которые навещали бы меня и скрашивали монотонность моего повседневного существования, я не имел. Неудивительно, что в подобных обстоятельствах меня неодолимо влекла тайна, окружавшая моего нового товарища, и я тратил немало времени, пытаюсь проникнуть в нее.

Медицину Холмс действительно не изучал. В ответ на мой вопрос он сам подтвердил мнение Стэмфорда на этот счет. Судя по всему, не занимаясь он систематически и самообразованием, что позволило бы ему претендовать на научную степень или иную форму признания, открывающую дверь в ученый мир. Тем не менее страсть Холмса к определенного рода исследованиям была настолько исключительной, а его знания в весьма редких предметах настолько обширны и доскональны, что иные его наблюдения меня просто ошеломляли. Разумеется, никто не стал бы работать так усердно или копить знания так тщательно, если бы не стремился достичь какого-то конкретного результата. Читатели, предающиеся бессистемному чтению, редко отличаются глубиной познаний. Ни один человек не будет эксплуатировать свой мозг, разбираясь в незначительных на первый взгляд проблемах, если у него нет весьма основательной причины делать это.

Невежество Холмса было столь же удивительным, сколь и его познания. О современной литературе, философии и политике он не знал почти ничего. Когда я процитировал Томаса Карлейля¹, он с наивнейшим видом поинтересовался, кто это такой и чем знаменит. Однако мое изумление достигло кульминации, когда я случайно обнаружил, что Холмс — полный невежда в области теории Коперника и строения Солнечной системы. То, что в девятнадцатом веке существует человек, не имеющий понятия о том, что Земля вращается вокруг Солнца, показалось мне таким неправдоподобным, что я почти не мог в это поверить.

— Вижу, вы удивлены. — Холмс с улыбкой наблюдал за обескураженным выражением моего лица. — Но теперь, когда вы меня просветили, я постараюсь как можно скорее забыть эту информацию.

— Забыть?!

— Видите ли, — пояснил он, — по моему убеждению, человеческий мозг изначально представляет собой маленькую пустую мансарду, которую вам предстоит обставить по собственному усмотрению. Дурак тащит туда всякую деревяшку, какая встретится на пути, поэтому знание, которое ему действительно может понадобиться, вытесняется оттуда или оказывается захлапленным стольким количеством ненужных вещей, что добыть его в случае необходимости просто невозможно. Человек же разумный очень избирателен по отношению к тому, что он размещает в своей интеллектуальной мансарде. Он не станет заполнять ее ничем, кроме инструментов, нужных для выполнения его работы, но уж их-то ассортимент у него исключительно богат, и содержит их он в идеальном порядке. Ошибочно полагать, что у этого маленького помещения эластичные стены и оно может растягиваться до любых размеров. Поэтому неизбежно наступает момент, когда для того, чтобы добавить любое новое знание, приходится выкидывать из головы какое-то из ранее приобретенных. Чрезвычайно важно не допустить, чтобы бесполезные факты вытесняли полезную информацию.

— Но Солнечная система! — не унимался я.

— А какой мне в ней прок? — нетерпеливо перебил меня Холмс. — Вы говорите, что мы вращаемся вокруг Солнца. Но если бы мы вращались вокруг Луны, для моей работы это не составило бы никакой разницы.

Казалось бы, наступил подходящий момент, чтобы спросить, в чем именно состоит работа Холмса, но что-то в его манере подсказало мне, что он может счесть вопрос неуместным. Тем не менее, поразмыслив над нашим разговором, я рискнул сделать кое-какие выводы. По словам Холмса, он не запоминал ничего, что не пригодится для решения его задач. Стало быть, набор знаний, которыми он обладал, должен указывать на род его занятий. Я мысленно перечислил разнообразные сферы, в коих Холмс обнаружил высочайшую осведомленность. Даже взял карандаш и записал их. Изучая составленный документ, я не смог удержаться от улыбки. Вот как он выглядит:

---

¹ Карлейль, Томас (1795—1881) — английский публицист, историк и философ.